

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Гарий НЕМЧЕНКО

СТО

ШАГОВ

киноповесть

Рабочий день уже кончился, уже можно идти домой, но Людмила с Варварой сидят в приемной у Нины Павловны — все ждут разговора с Москвой. По телевизору закончили передавать новости, идут титры сообщения о погоде, все поглядывают на экран.

— Ты никогда в магазине продавщицам не говори, что приезжая, — продолжает наставлять Люду Варвара. — Потому что приезжей они любой брак подсунут, а завтра она уже улетит. Скандалить к ним она не вернется. А если ты москвичка и на соседней улице живешь, значит, ты к ним завтра вернешься и плюнешь в бесстыжие глаза: зачем брак подсунули?..

Раздается длинный звонок. Нина Павловна снимает трубку, спрашивает:

— Ларочка?.. Рада твой голосочек слышать... Как вы там все? — по-дружески спрашивает Нина Павловна. — У вас тоже холодно, только что по телевизору об этом сообщили. А здоровье как? А детишки?.. Как мы?.. Ты же знаешь. Ну, ничего, конечно, держимся... Посылаем вот в столицу одного родного нам человечка. Сапожки купить надо... Еще кое-что, у нее и свои проблемы. Список наши девочки сделали... Гостиницу закажешь? Спасибо, лапа! Запиши фамилию: Люда Суханова. А что тебе с ней передать?.. Орешков кедровых — это само собой... от всех болезней.

Вдруг лицо у Нины Павловны изменилось:

— Ты пришли нам копию с этой бумаги. Постарайся, пожалуйста!.. С Людой и передашь. Какой ты молодец!.. Увидимся — расцелую... Спасибо, что предупредила. Спасибо, Лара. От всего завода. От нас всех!

Глядя на нее, сгорают от любопытства Варвара с Людой.

— Девочки! — говорит, наконец, Нина Павловна. — Я могла бы вам этого и не говорить, но хочется, чтобы вы тоже кое-что поняли... раз уж за дело взялись... Даете слово, что пока — никому ничего?

Обе только задвигались — была в этом готовность поклясться самой страшной клятвой.

— Помните, московский «Фундаментпроект» прислал нам бумажку, где и вашим, и нашим?.. Насчет свай под полосу для надвигки?.. Так вот, Перчаткина Полосухин изнасиловал, заставил принять решение, что все в порядке, а сам бумагу заготовил, что двигать домну нельзя... Вот ведь как.

— Ты уж, Люда, не подведи, — просит Нина Павловна. — Ты уж обязательно найди время, загляни в министерство и бумагу ту спрячь понадежней...

— Что я — не понимаю?

Перчаткин открыл дверцу «Волги», вместо приветствия сказал:

— О! Давненько я тебя, Валера, не видел... Как Николай Фадееч?

Водитель вздохнул:

— Бабушка у меня померла!..

— Вчера?!

— Да нет, давно... Она бы его вылечила! От всех болезней лечила.

Перчаткин вдруг заволновался:

— Ты куда везешь?.. Мне ведь в горьком надо!

— А на домну разве не хотите глянуть? — спросил Валера. — Верней, на то, что от нее осталось.

— А в горьком не опоздаем?

В голосе Валеры послышалась то ли легкая обида, то ли некое горевое превосходство:

— Да еще не было случая, чтобы опаздывали!

Машина остановилась среди нагромождения металла и техники. Посреди этого хаоса ярко горел свет, слышались говор и веселый смех, и Перчаткин направился туда. Рядом с развалинами, которые остались от домны, на литейном дворе лежал похожий на большой перевернутый вверх дном чугунок слиток металла, и на нем, поддерживая друг друга, пытались уместиться десятка полтора человек — горновые с обер-мастером, начальник цеха Ступин и с ними единственная женщина — Зоя.

Напротив них ярко горели «юпитеры», стоял на треноге киноаппарат — шла подготовка к съемке.

— Зюенька! — крикнул один из киношников — бородатый, в темных очках. — Держитесь, ради бога, в центре — вы оживаете кадр!

— Вот это и весь «козелок»? — спросил Перчаткин.

— Весь! — послышалось сверху. — А вы что думали?! Давайте к нам, Александр Максимыч!

— Черти! — свойски сказал Перчаткин. — Наверно, потому и не позвали на выпуск, что на этом пьедестале не так уж много места.

— Для вас найдется!

— Спасибо. Я с вами, знаете, когда обнимусь? Когда печка на проектную мощность выйдет!

...Они подъехали к горькому, когда к широкой стеклянной двери спешили опаздывающие. Перчаткин тоже заторопился. Валера протянул ему руку, тот машинально сунул свою.

— Это Николай Фадееч сказал: руку ему пожми, — свободной рукой Валера достал черную кожаную папку, протянул Перчаткину. — Вот за это!.. Когда будешь отдавать, пожми, говорит, крепко руку.

По аллее недалеко от коттеджа Ведениных прохаживается Нина Павловна, всем видом показывая, будто и она сейчас такая же отдыхающая, как все вокруг...

Но Эмму Борисовну не проведешь. Она обернулась, узнала и решительно пошла навстречу:

— Что вы здесь делаете?

— О, Эмма Борисовна! — изобразила радость Нина Павловна. — Во-первых, здравствуйте... А во-вторых, отдыхаю. Пошла в завком, купила путевку и вот здесь...

В голосе Нины Павловны слышится и миролюбие, и покорность, но Эмма Борисовна непреклонна:

— Могла бы поверить вам, если бы знала вас чуточку меньше! К Николаю Фадеечу нельзя. Он отдыхает... И вообще в последнее время, когда его перестали беспокоить, ему стало заметно лучше...

Нина Павловна искренне обрадовалась:

— Правда?!

— Так что не сокращайте ему жизнь, дорогая!..

Эмма Борисовна, высоко подняв голову, направилась к коттеджу.

Нина Павловна, явно потерянная, идет от коттеджа по аллее, но ей сигналист из белой «Волги». Нина Павловна распаивает переднюю дверцу. И тут замечает мальчика...

— Максим! — кричит она. — Максим!..

Но мальчик не слышит, он идет себе, как шел, по другой дорожке, и тогда она бежит через разделявшую их полосу глубокого снега, догоняет его, присаживается перед ним на корточки:

— Гуляешь?! Ты один?..

— Меня доктор уже выпустил, а дедушку еще никак...

— Ну, ничего!.. Какой ты молодчина! — Она достает из кармана пальто небольшой пакет: — Передашь это дедушке?

Глаза у мальчишки загорелись:

— Это тайна?

— Да-да, конечно, тайна...

— Военная?

— Н-ну, если хочешь, и военная. Никому это не отдавай, кроме дедушки. Не отдашь?.. И не потеряй, пожалуйста.